

“В соседних от Дейи странах

Молились за упокой тела, а не души” —

Ксенофор

Селивана сидела на холодной земле и смотрела Тартарусу прямо в пламенные глаза. Тот отвечал тем же, смотря своими пламенем прямоком в девичью душу эльфийки. Так продолжалось несколько минут, пока Селивана сама не отвела взгляд.

Она была поражена до глубины души — встретить того, кто помнил её отца живым было не лёгкой задачей. Эльфов в Старой Империи всегда было мало, а кроме них никто не жил столько, чтобы помнить такие далёкие времена. Разве что авантюрист Дурин мог составить ей компанию, но он знал Сариана лишь последние несколько лет его жизни.

Селиване было двести сорок два года. Не так уж и много для эльфа. Её отец прожил много больше. Даже по эльфийским меркам он прожил долгую жизнь. Однако, её безжалостно оборвали насильем. И во всём была виновата Святая Империя Талатана. Селивана ненавидела это государство всем своим сердцем, всей своей душой. По идее, она должна была ненавидеть и Тартаруса, который служил в Империи архимагом, но она знала, что не должна этого делать. Кто мог ненавидеть этого красивого мальчика о пятнадцати лет? Даже если он и был красным драконом, который видел, как первые переселенцы осваивают Берелиан ещё в Эпоху Мифов и Легенд. Она попросту не могла представить, чтобы Тартарус причинил её хоть какой-то вред. Потому что он помнил её отца.

Скорее всего её отец понимал, с кем водится, но это никак ему не помешало сблизиться с Тартарусом. Селивана знала это, поскольку её отец не любил петь. Он даже не пел ей колыбельных, а просто их читал. С выражением, конечно, но всё же не пел. Это одно воспоминание значило куда больше, чем можно было представить.

— Ну что, привет, старина, — обратился к памятнику Тартарус. — Что-то ты за последнее время сильно сдал назад. Надо же, ты даже успел умереть! Меня не было всего шесть десятков лет, и вы только посмотрите в кого ты превратился! Весь порос мхом и розой. Ладно, розы ты любил всегда, особенно ползучие. Но вот мох зачем нацепил на себя? Пытаешься сойти за монаха, укрывшись моховой одеждой? Хах! Только смех один, да и только!

— Его убили, — промолвила тихим голосом Селивана. — Он умер не своей смертью.

С этого Тартарус засмеялся. Он смеялся громко и весело. Но Селивана не видела, от того, что мальчишка-дракон стоял к ней спиной, что Тартарус скрывал за этим смехом свои пламенные слёзы. Они медленным потоком скатывались по его щекам и тухли прямо в воздухе. Никто, даже те Пятеро не должны были их видеть, поскольку лились они из самой Его души.

После этой бравады Тартарус стал насвистывать лёгкий, но грустный мотив. Он был столь лёгок и приятен слуху, что Селивана сама подхватила его. Она сама не заметила, как простой свист двоих артистов превратился в настоящую мелодию, которая исходила откуда-то свыше, кажется, с самих Небес. Тогда же Тартарус запел чистым и печальным голосом:

Я жил так много Эр подряд,
Что уже не вспомню возраст свой.
Но дороги и пути
Свели меня с тобой.
И в эту ночь скорбим мы здесь
Под светом Лун и Звёзд.
Они ушли, оставив нас
Наедине с собой.
И наши слёзы, и сердца
Наполнены тоской.
Тоской о временах былых,
Что остались за спиной.
Река течёт, не зная горя,
Не зная наших слёз.
Но сквозь холма и сквозь леса
Струится ручеек.
Тот ручеек пропитан весь
И кровью, и тоской.
И эта кровь из наших сердец
Нашла там свой покой.
И мы найдём его в тиши
С молитвой на устах.
Пусть горе всё течёт водой,
Пусть земля хранит свой прах.

Пройдут века, всё сгинет здесь,
Не оставив ничего.
Но те, кто пал у этих стен,
У дома своего.
Те покой свой обретут,
Воспетые в словах.
Пусть течёт себе река,
Унося с собой их прах.
Пусть сгинет кладбище и гроб,
Оставив лишь нутро,
Но то не значит ничего
Для слова моего.
Оно летит сквозь облака,
До самых, до Небес.
Услышат Звёзды песнь мою,
Мою живую песнь.
Она жива и сквозь века,
Не смоем слов вода.
Мы помним их живые дни
Пока жива душа.
Пусть радость переполнит нас
За подвиги их все.
Но так решили Небеса —
Забрать их всех к себе.
А потому мы воздадим
Хвалу за их дела.
И будут помнить Небеса,
Хоть смоем всё вода.

Песня кончилась, стих и мотив. Эта простая песня легла лечебным бальзамом на душевную рану Селиваны. Она никак не могла поверить в то, что в эту ночь встретила столь дорогого для её души существа. Кем бы на самом деле не был Тартарус, пусть хоть богом, здесь и сейчас он был просто старым другом её отца, который впервые пришёл на его могилу.

— Знаешь, Селивана, — обратился он к эльфийке. — Я узнал о его смерти два месяца назад, когда вернулся из экспедиции на Север. Тогда я был вне себя от горя, но потом я случайно узнал, что его просто убили. Легко и цинично. Также я узнал и тех, кто за этим стоял. О, поверь мне — они испытали на себе всю ярость архимага! Этот Ганашзах умер самой мучительной смертью. Я вскипятил кровь в его жилах, испепелил дотла, а пепел развеял по ветру, чтобы у него никогда не было пристанища в этом или ином мире. Душу же, кричащую в агонии, я заточил в его череп, который принёс с собой. Если хочешь, можешь сделать из него горшок для цветов. Или разбить вдребезги. Это уже как ты сама пожелаешь. Если ты готова, то я даже могу уничтожить его душу. Решать только тебе.

И снова Селивана была в шоке. Слишком много раз за эту ночь. Она никогда не могла надеяться на отмщение за своего отца. Могла только мечтать. А сейчас её мечта внезапно осуществилась.

— Уничтожь, — тихо проговорила она. — Уничтожь его проклятую душу ко всем чертям! Пусть он не познает даже посмертного ада! Ничего!

В конце она уже кричала, зажмурив от гнева глаза. А когда она их открыла, то увидела, как пепел медленно оседает на землю, кружа на лёгком западном ветре.

— Как ты того и пожелала, — совершенно серьёзным голосом ответил её Тартарус. — Теперь тебе не придётся нести этот тяжкий крест на себе. Теперь всё закончилось.

А затем он подошёл к рыдавшей Селиване и обнял её голову. Он гладил её волосы тихо и легко. Тихо и легко. Так они простояли достаточно долго, чтобы прогорела восковая свеча.

— Ну, а теперь мы будем есть и пить на радость твоего отца! — уже весёлым голосом сказал Тартарус, усаживаясь на землю.

Там он неизвестно когда расстелил скатерть, на которую и плюхнулся. Селивана, протирая глаза от слёз, непонимающе на него смотрела, но всё же переползла с холодной земли на ткань.

— Итак, — закатав по-деловому рукава, Тартарус начал доставать из своей бездонной магической сумки различные яства. — Это кроличьи ножки, тушёные в сметане. Это утиная грудка в ягодном соусе. Печёные в мёде орехи. Вино из берелианского дикого винограда. Мускатный орех жареный. Печенья по-домашнему. Различные фрукты в сахарном кляре...

Он всё доставал, и доставал блюда и напитки. И Селивана понимала, что это всё — любимая еда её отца. Что-то он умел готовить сам, что-то заказывал в ресторанах. Но для Селиваны это была еда детства, которую она не вкушала уже пятьдесят три года из-за душевной раны, которую она не решалась затрагивать лишний раз. В итоге, перед ней разросся воистину настоящий императорский стол — так много всего там было.

— Ну что же, — хлопнул в ладоши Тартарус. — Давай есть!

С этим они принялись на пару поглощать всё, что приглянулось глазу. Селивана не заметила, как за трапезой и разговорам прошла вся ночь. Она пришла в себя только когда первые лучи восходящего солнца ударили ей в глаза. По итогу они на двоих съели и выпили всё подчистую.

— Хах, прошло уже так много времени? — потягиваясь спросил сам у себя Тартарус. — Но самое главное ещё впереди.

С этим он достал из потайного кармана на своей груди два камня. Один был больше другого, да и цветом они отличались. Селивана сразу поняла, что это специальные слуховые камни, способные накапливать в себе слова и звуки.

— Первый, — указал Тартарус на меньший из них. — Это послание тебе взрослой от твоего отца. Он сохранил в нём своё обращение ночью после похорон Дейтеры. Тебе тогда было два дня отроду. Тогда же он и передал его мне на хранение. Все эти годы я поддерживал на нём чары, чтобы в час нужды передать его тебе. Своего рода, это посмертное послание Сариана тебе. И не бойся, я его не прослушивал. Лишь поддерживал.

С этим он передал камень Селиване. Та приняла его дрожащими руками и прижала к сердцу.

— Спасибо, — тихо вымолвила она. — Спасибо тебе за всю твою доброту.

— Не стоит, — лишь покачал головой Тартарус. — А этот камень — хранилище нашей совместной работы. Именно из-за этой работы я на шесть десятков лет ушёл на крайний Север, за самые Краесветные Горы. Я надеялся передать все свои наработки ему после возвращения,

но не успел. А теперь я передаю это тебе. Помни — это очень важная вещь! Прослушивай его только там, где тебя никто не сможет услышать хоть краем уха! Камень защищён моей магией, так что, активировать его можем лишь мы с тобой. Скажу прямо — эта работа была самой важной для Сарияна, поскольку мы с ним изучали очень сложную, но безмерно важную вещь — кто на самом деле такие иверлинги и, что самое важное, кто ими руководит!

Последние слова Тартарус произнёс шёпотом. А Селивана была безмерно удивлена. Она никогда не знала, что её отец изучал подобный вопрос. Он не обмолвился об этом с ней ни единым словом!

— И нападение этого Квен'филиона на Тарн не было случайным, как ты сама должна была понять, — продолжил Тартарус. — Это всё — часть безмерно сложного плана истинного Врага всех Срединных Земель! Эти события ведут в столь дальние года, что и мне сложно уловить все нити. Иверлинги дважды вторгались с Севера в Срединные Земли, и дважды доходили своими ордами до самого Берелиана. Первый раз был в конце Эпохи Легенд, когда Последний Союз Племян всех народов Срединных Земель еле сдерживал их у Пограничных Гор. Тогда им на помощь из самого Блаженного Амана приплыл флот Старшего Народа. Только тогда их удалось отбросить. С этим началась Первая Эпоха, Эпоха Трёх Древ. Во второй раз иверлинги дошли только до Запретных Гор, где укрылся Старший Народ, лишь отдельные передовые отряды смогли достичь Берелиана. Но от этого война с ними была не менее кровавой. Победа над ними ознаменовала начало Второй Эпохи, Эпохи Семи Колец. Но вот идёт уже Третья Эпоха, Эпоха Тишины, а потому по логике вещей иверлинги должны были вторгнуться ещё один раз, как раз на смене Эпох. Но они этого не сделали. Почему? Никто не знает. А потому следует ожидать их вторжения хоть завтра. Это мы с твоим отцом и изучали. Его не волновала Святая Империя Талатана и прочие Наследники. Нет. Его, как и меня, волновал истинный Враг!

На это откровение у Селиваны не нашлось слов. За эту ночь она так много раз была поражена до глубины души, что уже была не в силах удивляться. Она просто молча приняла этот камень. И этот камень был куда тяжелее предыдущего. Не из-за размеров, но из-за того, что он хранил в себе. Селивана понимала, что её нужно что-то с ним сделать, но вот что? Этого она, к сожалению, пока не понимала.

— Ну что же, уже светает, — сказал Тартарус, смотря прямо на восход.

Он стоял спиной к Селиване. И только сейчас она заметила, каким на самом деле был большим Тартарус. При первом взгляде — он просто мальчишка, который не достаёт ей даже до плеч, но на деле он был самой настоящей горной вершиной, со своими пещерами и кавернами. Он поражал воображение Селиваны. Поражал до самой глубины души, или же ещё глубже.

— Что же, прощай мой старый друг. Быть может, мы с тобой ещё встретимся. Нет, точно ещё встретимся! — на этом Тартарус обернулся спиной к памятнику и зашагал по дорожке. Но затем он обернулся. — Селивана, пошли. Нас ждут великие дела!

И Селивана пошла за ним. Пошла, как ребёнок за отцом. И только всевидящие глаза Тартаруса могли заметить над вершиной статуи небольшой огонёк. Но он не сказал о нём Селиване. Только он один понимал, что ему бы не хотелось лишний раз беспокоить свою дочь. Он и так свалил на её хрупкие плечи слишком тяжёлый груз. Слишком!

По просьбам трудящихся Ксенофор возвращается. Ура! Бей барабан, греми фанфара! Его никто (почти) не ждал, а он, как истинный немертвый, вернулся. И теперь он готов делиться своей мудростью со всеми вами.

Также, как вы могли заметить, в главе присутствует довольно большой стих. Текстовый редактор рулейта такое не любит, превращая всё в лапшу, но я решил попробовать. Напишите, пожалуйста, в коммах как по вашему мнению — норм или нет? Просто я на самом деле планировал добавлять в “Некроманта” куда больше стихов, но первый (и последний) раз мне сильно не понравился. Вот так. Жду вашей реакции!

<http://tl.rulate.ru/book/47583/1906963>